

УДК 94 (47):332.1

DOI: 10.15393/j14.art.2015.71

Статья

Лесопромышленный комплекс как механизм взаимодействия центра и региона во второй половине 1940-х — 1960-е гг. (по материалам Карелии)¹

Кулагин Олег Игоревич

Петрозаводский государственный университет,
пр. Ленина, 33, 185910, Петрозаводск, Россия,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории

Аннотация. В статье дается анализ изменений произошедших в процессе взаимодействия центра и региона в лице Карелии второй половины 1940-х — 1960-х гг. Главным механизмом данного взаимодействия в данный период стал лесопромышленный комплекс (ЛПК) Карелии, роль и значение которого за эти годы сильно изменились. Если в начале послевоенного периода ЛПК был, по сути, главным «козырем» для карельской административно-партийной элиты для «выбивания» ресурсов для социально-экономического развития региона, то к 1960 гг. он превратился в слабое звено экономики республики. Серьезные проблемы в развитии ЛПК стали в дальнейшем фактором снижения заинтересованности со стороны Центра в отношении дополнительных капитальных вложений в развитие региональной экономики.

Ключевые слова: лесопромышленный комплекс; центр; регион; Карелия; механизм взаимодействия.

Введение

Современные работы, касающиеся истории регионального развития, все чаще создаются в рамках междисциплинарного подхода.

Целый ряд специалистов в области географии и экономики используют при исследовании закономерностей исторического развития регионов элементы центр-периферийного подхода. С полным основанием классиком концепции «центр — периферия» в западной исследовательской литературе считается Дж. Фридман [31]. Его концепция исходит из того, что неравномерность экономического роста, а также процесс пространственной поляризации неизбежно порождают диспропорции между так называемым ядром и периферией. Неоднородность регионального развития России являлась и продолжает оставаться одной из насущных проблем развития нашей страны. Современный американский исследователь, а также лауреат Нобелевской премии по экономике 2008 г. П. Кругман [32] выделяет ряд базовых факторов, определяющих траекторию развития отдельных регионов. В первую

¹ Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012—2016 гг.

очередь, это факторы «первой природы» (богатство природными ресурсами и выгодное географическое положение, снижающее транспортные издержки) и факторы «второй природы» (агломерационный эффект, высокий человеческий капитал, лучшая институциональная среда), связанные с деятельностью государства и общества.

Карелия, обладавшая хорошим сочетанием количества и качества лесных ресурсов при наличии их транспортной доступности для вывоза древесины в центральные районы страны, в XX столетии имела очевидное преимущество исходя из факторов «первой природы». Однако для формирования факторов «второй природы» в условиях советской политической и экономической системы требовалось сформировать эффективный механизм взаимодействия между центром и регионом. В данном случае очевидно важной становилась задача формирования благоприятной институциональной среды, одинаково выгодной при взаимодействии как для центра, так и региона. С. Н. Левин отмечает, что на современном этапе, проводя свою политику, центр уделяет недостаточное внимание региональной сегментации и локализации институциональной среды российской экономики, которая обуславливает разную степень эффективности централизованно предпринимаемых мер по модернизации экономики регионов [20]. По мнению М. Н. Курбатовой и К. С. Саблина, проблема заключается в том, что субъекты развития, реализующие проект модернизации российской экономики как в центре, так и в регионах, имеют разные предпочтения и составляют отдельные группы интересов. Они конкурируют между собой за привлечение ресурсов для создания «институтов развития», а также в их непосредственном использовании. В результате формирующиеся региональные модели социально-экономического развития попадают в зависимость от сложившейся в определенном регионе конфигурации различных типов ключевых субъектов развития (представителей частнопредпринимательского сектора и органов государственной власти) и, как следствие, существенно различаются между собой [19].

В то же время исследования историков последних лет позволяют проследить процесс взаимодействия центра и регионов в советский период. В частности, проблемы взаимодействия советских центральных и региональных элит исследованы А. В. Шех [29], Н. В. Колесником [15], их трансформаций — С. Сергеевым, А. Салагаевым [24], Т. В. Олейник, А. Б. Савиным [22], М. А. Ермолиным [14], а также процессы формирования и столкновения интересов различного рода коалиций — Ю. Г. Белоноговым [10] и видов элит — Д. В. Ворониным [13].

Согласно Е. А. Хромову, реализация крупных социально-экономических проектов в регионах в конце 1950-х — начале 1960-х гг. характеризовалась согласованием и соотношением интересов в процессе взаимодействия основных групп модернизационного процесса [25]. При этом все большую популярность, в том числе среди исследователей, набирает взгляд на советскую систему управления экономикой как на систему «административно-бюрократического рынка» и «административного торга» [16] или «экономику согласований».

По мнению Е. Н. Волосова, структура советской политической элиты, помимо горизонтальной дифференциации (партийная, технократическая, административная), имела жесткую иерархическую вертикаль с безусловным доминированием центра. Реальную хозяйственную политику в центре и на местах формировали центральная и региональная технократические элиты. Уделом региональной партократии оставалось лоббирование интересов территории в столице [12].

В. А. Некрасов в своих исследованиях настаивает на слабой изученности конфликта интересов на региональном уровне в отечественной историографии, в том числе в аспекте взаимодействия интересов различных хозяйственных уровней — ведомственного, регионального и партийного в рамках отдельных территорий и инвестиционных проектов [21].

По мнению А. Г. Вишневого, в СССР, скорее всего, вообще не было ни союзной, ни региональных элит в современном смысле этого слова, не было средних общественных слоев, на которые такие элиты могли бы опираться, не было носителей «горизонтальных» интересов, тесно связанных с судьбами Союза. Реальные советские регионально-национальные элиты так же, как и российско-союзная, были статусными, «номенклатурными» и зависели от отношений с центром и его благорасположения [11]. По мнению И. А. Алексеенко, существование региональной политической элиты в советский период не может подвергаться сомнению [9].

Противоречивое влияние лесопромышленного комплекса в качестве главного фактора социально-экономического развития Карелии в течение XX в. было рассмотрено нами в ряде предшествующих публикаций [17], [18]. Особенности трансформаций в системе управления ЛПК и составе правящих элит, произошедших в том числе в эти годы, подробно исследованы И. Р. Шегельманом [26], [27], [28]. Одним из результатов данных исследований стал вывод о том, что региональный ЛПК и лесные ресурсы региона стали полем для активного взаимодействия между центральными и региональными элитами.

Источники

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранятся материалы Совета Министров СССР (Ф. 5446). Важность использования данных документов связана с тем, что для отраслей народного хозяйства Совет Министров, как и ЦК КПСС, являлся координирующим органом, решения в котором принимаются коллегиально. Коллегия Совета Министров, Президиума Совета Министров конкретизировала для отраслей и подотраслей решение политического органа управления.

Использовались также документы Государственной плановой комиссии Совета Министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства (Ф. 355), находящиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), которые содержат переписку министерств, ведомств, а также Совета Министров касательно планируемого распределения финансовых и материальных средств. Документы Министерства лесной промышленности СССР (Ф. 7637), а также Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР (Ф. 566), находящиеся в РГАЭ, использовались для характеристики особенностей функционирования различных экономических субъектов центрального и регионального уровней.

В настоящем исследовании были задействованы материалы Карельского рескома Компартии (Ф. П-3), который стал одним из главных акторов реализации региональных интересов, в том числе перед лицом центра.

Особенности взаимодействия в рамках сталинской экономики

Период конца 1940-х — начала 1950-х гг. стал поистине «золотым временем» для Карелии. Выделялись дополнительные капитальные средства со стороны государства в силу крайней заинтересованности руководства страны в получении наиболее географически и экономически доступной на тот момент карельской древесины в кратчайшие для восстанавливаемой после войны страны сроки. После выхода в свет постановления № 589 от 11 февраля 1949 г. «О мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в КФССР» республика могла рассчитывать на всемерную финансовую поддержку государства во всех вопросах, связанных с лесозаготовками. Не случайно в проекте данного постановления значилось: «...п. 3 Разрешить Министерству лесной и бумажной промышленности КФССР расходовать выделенные ему на 1949 г. капиталовложения вне зависимости от квартальных ассигнований. При успешном выполнении плана капитальных работ по КФССР рассмотреть во-

прос о выделении Министерству КФССР дополнительных капиталовложений во втором полугодии 1949 г. ...» [1: 162].

Такой возможностью не могла не воспользоваться административно-партийная элита Карело-Финской ССР. Особенно примечательно в данной ситуации письмо первого секретаря КФССР Г. Н. Куприянова А. П. Берия от 18 декабря 1948 г., в котором он, ссылаясь на распоряжение И. В. Сталина от 9 октября 1948 г. о создании Комиссии по разработке Постановления о мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в КФССР, указывал на то, что данная Комиссия так и не смогла решить вопрос об объеме капвложений в развитие ЛПК региона. По мнению Г. Н. Куприянова, общая сумма капвложений в размере 1750 млн рублей, или восемь рублей на один кубометр добываемой древесины, не превышает обычных норм капвложений. Для того чтобы достичь в 1953 г. планируемого объема в 20 млн кубометров, необходимо было все строительство провести за четыре года начиная с 1949 г., и если равномерно распределить по годам этот объем капвложений, то необходимо было бы ежегодно вкладывать по 440 млн рублей. Таким образом, 70 млн рублей, выделяемых государством на 1949 г., было явно недостаточно, так как эта сумма обеспечила бы обычный прирост на 10—15 % в год. При этом Куприянов подчеркивал, что в 1949 г. при значительном пополнении рабочей силой, которое намечалось проектом при механизации строительных работ, Министерство способно будет освоить 160 млн рублей. Министр лесной промышленности СССР Г. М. Орлов был согласен, что такая сумма необходима региональному ЛПК, но утверждал, что не может выделить ее в пределах отпущенных ему лимитов. Вывод Куприянова был следующий: если действительно нельзя снять 90 млн рублей с финансирования лесной промышленности других областей, то необходимо на эту сумму увеличить капвложения по Министерству лесной и бумажной промышленности СССР со специальным назначением для КФССР [1: 32—34].

Кроме этой суммы, по мнению первого секретаря Карельского обкома КПСС, совершенно необходимо было выделить средства для начала строительства Западно-Карельской железной дороги. Комиссия предложила на 1949 г. на это строительство выделить 15 млн рублей из общей суммы капвложений, отпущенных Министерству путей сообщения. Министр путей сообщения СССР Б. П. Бещев был согласен начать строительство, но при условии, если его министерству будут выделены дополнительные капвложения. По мнению карельского руководства, эта дорога была совершенно необходима, так как без нее нельзя было начать осваивать новые лесные массивы. Поэтому, как отмечал Куприянов, необходимо было или обязать Бещева начать строительство в 1949 г. за счет общих средств капвложений, отпущенных его министерству, сняв средства с других объектов, или дать министерству для этой цели дополнительные средства из резервного фонда. И в том и другом случае надо было ассигновать не 15 млн рублей, а, как минимум, 35 млн рублей, так как затраты в объеме 15 млн рублей не дали бы в 1950 г. никакого эффекта. Общая сумма, которую глава Карелии просил у центра на все мероприятия, связанные с развитием лесозаготовок в КФССР и которую необходимо было отпустить на 1949 г., составила 195 млн рублей, из них 125 млн рублей сверх намеченных лимитов [1: 31—32].

Нельзя не признать, что данное письмо является классическим примером административного торга, в котором у Карелии в сложившейся ситуации были неплохие шансы получить дополнительные финансовые ресурсы.

При этом необходимо отметить, что отношения региональной административно-партийной элиты с Минлеспромом СССР также содержали элементы административного торга.

В 1952 г. на имя Министра лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности СССР Г. М. Орлова от Председателя Совмина КФССР П. Прокконена поступила просьба, содержащая указание НИИ «Гипродрев» одновременно с изысканием и проектированием поселков лесозаготовительных предприятий, изыскивать и проектировать (совместно со специалистами сельского хозяйства) земельных площадей под сельскохозяйственное использование. В письме также содержалась просьба предусмотреть по капитальным вложениям необходимые средства на производство работ по освоению земельных площадей и сенокосных угодий при лесных поселках. Обоснование данной просьбы состояло в том, что в республике поселки новых лесозаготовительных предприятий строились в необжитых местах, зачастую слабо пригодных для использования в указанных целях, без затрат больших денежных и производственных средств. В результате при проведении изысканий и проектировании лесозаготовительных предприятий и поселков совершенно не уделялось внимания подыскиванию и определению пригодности целинных земельных площадей для их использования под индивидуальные огороды и сенокосы, а в сметах не предусматривались затраты на их освоение. Итогом было то, что переселенцы не получали в личное пользование огородов и сенокосов и это становилось причиной их возвращения к местам своего прежнего проживания [7: 75].

В последующем письме того же года в адрес Минлеспрома СССР Совмин КФССР фактически напрямую обвинил руководителей республиканского Минлеспрома в лице Министра А. М. Школьников и его заместителя Г. С. Шамшина, руководителей трестов и предприятий в том, что именно их недооценка плана капитального строительства стала основной причиной его невыполнения. В частности, указывалось, что несмотря на резко выросший объем капвложений, республиканское министерство продолжало ориентироваться на выполнение плана капитальных работ только в летние месяцы года. В первом полугодии в среднем за месяц осваивалось на строительно-монтажные работы 5650 тыс рублей и вводилось в эксплуатацию 2970 м² жилфонда. Во второй половине года в среднем за месяц выполнялось строительно-монтажных работ на 9758 тыс рублей, а вводилось в эксплуатацию жилфонда 9912 м². Годовая выработка на один работающий бульдозер составила только 57 % от плановой, а наличные бульдозеры использовались на работах менее чем наполовину. Завершалось письмо просьбой обязать республиканское министерство выполнить план капитального строительства [7: 101—102].

Элементы административного торга во второй половине 1950-х гг.

В послесталинский период региональные элиты стали усиливать свое политическое и экономическое влияние. По мнению Р. Г. Пихоя, данные элиты, являясь составной частью бюрократической системы согласований, отстаивали групповые интересы внутри партийно-государственной элиты [23: 4]. В то же время усилению региональных элит способствовала внутривластная борьба за власть в правящей элите между преемниками И. В. Сталина [25: 183]. Именно в это время руководство Карелии, отстаивая интересы своего региона, продолжало использовать элементы административного торга во взаимодействии с центральными элитами, явно опираясь в своих обоснованиях на сохранявшуюся у государства острую потребность в карельской древесине. Однако не только развитие регионального ЛПК, но и других отраслей карельской экономики давало основание руководству республики направлять в центральные министерства и ведомства просьбы о включении объектов социальной инфраструктуры региона в титульные списки капитальных вложений. При этом в наиболее активную фазу административный торг, главной целью которого для региона становилось получение дополнительных финансовых вливаний со стороны центра, вступал

на стадии формирования титульных списков объектов жилищного и культурно-бытового строительства министерств и ведомств в рамках очередного пятилетнего плана.

Это подтверждается содержанием письма Министру бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР Ф. Д. Вараксину от Председателя Совета Министров Карело-Финской ССР П. С. Прокконена. Согласно нему, Совет Министров КФССР рассмотрел с участием директоров подведомственных Министерству целлюлозно-бумажных предприятий, находящихся в КФССР, проекты планов культурно-бытового строительства на шестую пятилетку. На большинстве предприятий на тот момент ощущался острый недостаток культурно-бытовых учреждений, особенно детских садов и яслей, «...вследствие чего соответствующие нужды и потребности рабочих и служащих, в особенности работниц-матерей...» не удовлетворялись. Совет Министров КФССР представлял при этом свои предложения по строительству учреждений просвещения, культуры и здравоохранения при указанных предприятиях и просил Министерство включить их в план капитальных вложений на 1956—1960 гг. [5: 22].

В последующих письмах руководство республики конкретизировало свои просьбы на примере отдельных предприятий. В письме Прокконена Вараксину Совет Министров КФССР просил Министра бумажной и деревообрабатывающей промышленности предусмотреть в титульном списке на шестую пятилетку по Кондопожскому ЦБК, в порядке долевого участия, средства в сумме 3,0 млн рублей, в том числе на продолжение строительства водопровода 2,0 млн рублей и строительство телецентра в г. Петрозаводске 1,0 млн рублей. В другом письме Прокконена Министру лесной промышленности СССР Совет Министров КФССР считал целесообразным и необходимым решить в шестой пятилетке проблему водоснабжения г. Кеми и Рабочеостровска путем строительства водопровода по разработанной «Ленгипротрансом» проектно-сметной документации и просил профильное министерство предусмотреть в титульном списке капитального строительства треста «Карелдрев» на шестую пятилетку выделение капиталовложений в сумме 8,9 млн рублей на строительство кемского водопровода. Еще в одном письме Прокконена Орлову в связи с необходимостью электрификации лесных предприятий, железной дороги и рыболовецких колхозов на линии промежуточных станций на отрезке железной дороги Сорокская — Обозерская Совет Министров КФССР просил предусмотреть в шестой пятилетке выделение средств Управлению Кировской железной дороги на доленое участие в строительстве линии электропередач Выгостров — Маленга в сумме 2,0 млн рублей. В другом письме Министру Орлову в виде обоснований указывалось, что среди потребителей электроэнергии Пудожского района значительный удельный вес занимала лесная промышленность. Учитывая вышеизложенное, Совет Министров КФССР просил Министерство предусмотреть в плане капиталовложений по Министерству лесной промышленности республики на шестую пятилетку доленое участие в строительстве высоковольтной линии электропередач Вытегра — Пудож в сумме 4,5 млн рублей. Кроме того, в связи с намечаемым в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 15 сентября 1955 г. № 1689 строительством телецентра в г. Петрозаводске Совет Министров просил предусмотреть выделение в порядке долевого участия средств на указанное строительство в сумме 3,5 млн рублей. Еще в одном письме Министру лесной промышленности СССР Совмин республики внес просьбу о долеом строительстве моста в г. Беломорске на сумме 3 млн рублей [5: 22, 24—28, 34—35].

При этом руководство республики в лице Председателя Совета Министров Карело-Финской ССР П. С. Прокконена продолжало искать возможности для дополнительных капитальных вложений в лице других министерств и ведомств. Министру рыбной промышленности СССР А. А. Ишкову 10 апреля 1956 г. из Совета Министров КФССР от Председателя

Совета министров КФССР П. С. Прокконена было направлено письмо, в котором содержалась просьба в соответствии с указанием Совета Министров СССР о привлечении, в порядке долевого участия, средств, заинтересованных министерств и ведомств, предусмотреть в титульном списке Министерства рыбной промышленности республики на шестую пятилетку выделение на сооружение телецентра в г. Петрозаводске 1,5 млн рублей. Строительство телецентра в г. Петрозаводске было предусмотрено Постановлением Совета Министров СССР от 15 сентября 1955 г. № 1689 и планировалось осуществить в шестой пятилетке (1956—1960 гг.). Обоснованием просьбы стало: «...связи с многочисленными пожеланиями трудящихся республики, в том числе работников рыбной промышленности, строительство телецентра начнется в 1956 г., а первая очередь его вступит в строй в 1958 г.» [5: 11]. Такое же письмо по поводу телецентра с просьбой о софинансировании в объеме 0,5 млн рублей Прокконен направил Министру Совхозов СССР И. А. Бенедиктову. Такого рода письма были адресованы также Министру цветной металлургии СССР П. Ф. Ломако [5: 13], Министру автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР [5: 38] и ряду других министерств.

Примечательно, что 16 июля 1956 г. Карело-Финская ССР была официально понижена в статусе до АССР и возвращена в состав РСФСР. Данное изменение не могло автоматически не понизить административный вес административно-партийной элиты Карелии, которая не имела теперь такого же прямого выхода на союзное руководство, как это было прежде. Характерно, что именно к концу 1950-х гг. происходит снижение объемов капитальных вложений в Карелию в сравнении с другими регионами северо-западного экономического района. Если в 1958 г. Карельский совнархоз оказался на предпоследнем месте по объемам капитальных вложений, в том числе предусмотренных на строительно-монтажные работы — 51 и 32 млн рублей (последнее место у Калининградского совнархоза — 45 и 11 млн рублей), то в 1960 г. Карелия оказалась уже на последнем месте: 63 и 41 млн рублей (Калининградский совнархоз — 81 и 15 млн рублей) [8: 378].

Переход к борьбе за лесные ресурсы в 1960-е гг.

К началу 1960-х гг. в ходе демонтажа сталинистских социальных и управленческих практик изменилось положение партийного аппарата и его номенклатуры в системе власти. Партаппарат, ранее являвшийся одним из инструментов (наряду со спецслужбами, карательно-правоохранительными, ведомственными и др. органами) режима личной власти, стал центральным, «самовластным» элементом политической системы, не подвергающимся пресингу и «надзору» со стороны других структур [30: 79].

В этой ситуации столкновение интересов Минлеспрома и региональной административно-партийной элиты было усилено тяжелым положением, которое стало складываться как в европейской части страны, так и в Карелии с сохранением лесных ресурсов.

Борьба за лесные ресурсы активно проходила и на региональном уровне. При этом спор между региональными ведомственными и хозяйственными элитами перетекал обычно на более высокий уровень, так как каждая из сторон пыталась использовать для лоббирования своих интересов административный вес более высокопоставленного начальства по своей ведомственной линии.

В 1967 г. из Министерства лесного хозяйства КАССР в Карельский обком КПСС на имя И. И. Сенькина и в Совет Министров КАССР на имя А. А. Кочетова поступило письмо. В нем отмечалось, что за период 1959—1960-х гг., в результате систематического недоиспользования 20—30 % отводившегося в рубку лесосечного фонда, было накоплено большое количество недорубов, представленных преимущественно лиственными и низкостебельными

хвойными насаждениями с пониженными запасами и товарностью, которые оставлены в распыленном виде в освоенных промышленной лесозаготовкой кварталах и базах. Запасы таких древостоев к концу 1960-х гг. составили примерно 90 млн кубометров в ликвиде. Лесхозы отмечали, что эксплуатация их в дальнейшем будет сопряжена с большими трудностями или окажется экономически невыгодной из-за потери товарности, особенно лиственной древесины, и больших капиталовложений на строительство пришедших в негодность лесовозных дорог. Приведенные выше расчеты показывали, что на достигнутом уровне лесопользование в республике сохранить было уже нельзя. По прогнозам карельских лесников, через 20 лет целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая промышленность республики, в случае сохранения объемов рубки в размере 18,5 млн кубометров в год, практически должна была оказаться без сырья [3: 82—83].

В том же 1967 г. на запрос Карельского обкома КПСС в Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР о необходимости сокращения плана вывозки древесины в республике до уровня расчетной лесосеки оно не дало положительного ответа, сославшись на ограниченность выделяемых капитальных вложений на наращивание мощностей по вывозке древесины в восточных районах страны, в связи с чем на 1968 г. были сохранены допускаемые перерубы по расчетной лесосеке во всех районах Российской Федерации, в том числе и в Карельской АССР. В качестве исключения министерство утвердило план вывозки деловой древесины на 1968 г. лишь для производственного объединения «Кареллеспром» со снижением по сравнению с 1967 г. на 300 тыс кубометров, при контрольных цифрах 1968 г. 110 тыс кубометров. В плане было предусмотрено снижение удельного веса выхода деловой древесины с 85,3% в 1967 г. до 84 % в 1968 г. [2: 3].

Карельская административно-партийная элита пыталась найти выход из этой ситуации для сохранения перспектив развития региона. В письме от заместителя Министра лесной промышленности СССР Ф. В. Варакина в Совмин РСФСР от 12 сентября 1968 г. указывалось, что Совмин Карельской АССР и Карельский обком КПСС постановлением от 4 июля 1968 г. № 333 предусмотрели перевод лесов третьей группы во вторую на общей площади 3,3 млн гектаров. Ко второй группе относятся леса в регионах с высокой плотностью населения и развитой сетью транспортных путей, леса, выполняющие оздоровительные и защитные функции, имеющие ограниченное эксплуатационное значение, а также леса в регионах с недостаточными лесными ресурсами, для сохранения которых требуется ограничение режима пользования. Таким образом, данное постановление было по интересам профильного министерства и производственного объединения. Производственное объединение «Кареллеспром» письмом от 24 июня 1968 г. № 269/272 сообщило Совмину КАССР свое мнение, суть которого заключалась в том, что к тому времени все леса республики были закреплены за лесозаготовителями и вовлечены в эксплуатацию, за исключением лесных массивов, проектировавшихся к закреплению за Водлинским, Пяозерским и Юшкозерским лесхозами, строительство которых было предусмотрено постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 2 августа 1966 г. № 605. Перевод же лесов во вторую группу в лесосырьевых базах ЛПХ с эксплуатационным запасом 92,5 млн кубометров должно было значительно увеличить затраты лесозаготовительных предприятий на дорожное строительство, а также потребовало дополнительных капиталовложений [6: 171], поэтому объединение «Кареллеспром» считало преждевременным перевод лесов из третьей группы во вторую. Однако учитывая интенсификацию лесного хозяйства, внедрения постепенных и выборочных рубок леса, более рациональное использование лесосечного фонда, объединение «Кареллеспром» не возражало произвести указанный перевод по ряду лесничеств Заонежского, Кемского, Кондопожского, Медвежьегорского, Петрозаводского, Пряжинского, Прионеж-

ского, Пудожского, Ружозерского, Сумского, Шуйско-Виданского лесхозов. Учитывая, что перевод лесов третьей группы во вторую в сырьевых базах Минлеспрома СССР в КАССР мог резко нарушить нормальную работу лесозаготовительных предприятий и повлечь за собой экономически неоправданные значительные капитальные вложения на строительство лесозаготовительных дорог, Минлеспром СССР со своей стороны, поддерживая просьбу объединения «Кареллеспром», также считал преждевременным перевод лесов третьей группы во вторую в закрепленных лесосырьевых базах объединения «Кареллеспром» и просил при рассмотрении указанных материалов учесть мнение Министерства лесной промышленности [6: 171—172].

Борьба между отраслевыми и территориальными субъектами в сфере использования лесов продолжилась и в дальнейшем. В 1968 г. в отдел лесной промышленности Карельского обкома В. С. Поснову из Министерства лесного хозяйства КАССР поступили замечания Министерства лесного хозяйства КАССР к проекту постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении организации работ лесной и деревообрабатывающей промышленности». В частности, они касались пункта № 43, в котором значилось, что практика работы лесного хозяйства в предшествующие три года ярко показала всю нецелесообразность существования лесного производства как самостоятельной отрасли народного хозяйства и вскрыла со всей очевидностью вопиющие огромнейшие безобразия, допущенные лесозаготовителями во время ведения лесного хозяйства лесозаготовительной промышленностью. Данный пункт, по мнению Министерства лесного хозяйства КАССР, подлежал обязательному исключению. Министерство лесного хозяйства считало, что всякие предложения Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР о грубых отступлениях и нарушениях ведения лесного хозяйства являются необоснованными, так как все важнейшие принципы его ведения были определены существующим положением, инструкциями, утвержденными Правительством СССР [4: 62—63].

Подводя итоги, можно констатировать, что в течение примерно 20 с лишним послевоенных лет роль карельского ЛПК в процессе взаимодействия центральных и региональных элит и характер данного взаимодействия существенно изменились. Можно выделить условно три этапа данных изменений. Период конца 1940-х — начала 1950-х гг., в силу крайней заинтересованности руководства страны в скорейшем получении карельской древесины в сочетании с союзным статусом республики, стал временем наиболее выгодных условий для карельской административно-партийной элиты, которая имела все основания выходить со своими предложениями по социально-экономическому развитию региона на самый высокий уровень. В середине — второй половине 1950-х гг., в постсталинский период с усилением позиций региональных элит наряду с сохранением интереса центра к наращиванию лесозаготовок в Карелии, руководство республики активизировало использование элементов административного рынка, выходя со своими предложениями по выделению дополнительных ресурсов для региона на уровень союзных министерств. Период 1960-х гг. знаменовался последствиями снижения административного веса административно-партийной элиты Карелии (понижение с 1956 г. административного статуса республики) на фоне резкого ухудшения ситуации с сохранением лесных ресурсов и снижением капитальных вложений как в экономику республики, так и в ее ЛПК. Данные изменения во взаимодействии центральных и региональных элит постепенно превратили региональный ЛПК из наиболее действенного инструмента «выбивания» ресурсов в слабое звено региональной экономики и все менее привлекательный объект для капитальных вложений со стороны центра.

Список использованных источников и литературы

Источники

Неопубликованные

1. О мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в КФССР 1948—1949 гг. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 51. Д. 1752.
2. Материалы о выполнении постановления VIII пленума обкома КПСС от 4 июля 1967 г. об улучшении работы предприятий лесозаготовительной промышленности и ведения лесного хозяйства КАСССР с 31 августа 1967 г. по 28 марта 1968 г. // НА РК. Ф. П-3. Оп. 19. Д. 56.
3. Планы работы отдела лесной промышленности Карельского обкома КПСС с декабря 1967 г. по декабрь 1968 г. // НА РК. Ф. П-3. Оп. 19. Д. 116.
4. Письма республиканских ведомств с предложениями в проект постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР об улучшении организации работы лесной и деревообрабатывающей промышленности. Справки и письма отдела КарНИИЛПа о работе института и Суккозерского ЛПХ с марта по декабрь 1968 г. // НА РК. Ф. П-3. Оп. 19. Д. 120.
5. Замечания Совета Министров Карело-Финской ССР по проекту шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства на 1956—1960 гг. и материалы к ним // РГАЭ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 187.
6. Поручения и материалы по выполнению поручений ЦК КПСС, Совета министров СССР и Госплана СССР о выполнении постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР по закреплению лесосырьевых баз, обеспечению лесозаготовительных предприятий лесосечным фондом. Том 1 с 15 июля по 26 сентября 1968 г. // РГАЭ. Ф. 566. Оп. 1. Д. 26.
7. Переписка с Советами Министров союзных и автономных республик Представительствами Главных управлений и комитетов союзных и автономных республик, Президиумами Верховных Советов союзных республик о выполнении плана лесозаготовок и сплава, финансировании строительства, наборе рабочей силы и оборудовании с 2 января по 30 июня 1952 г. // РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 1072.

Опубликованные

8. Народное хозяйство РСФСР в 1960 году: статистический ежегодник. М.: ГОССТАТИЗДАТ ЦСУ СССР, 1961. 572 с.

Литература

На русском языке

9. *Алексеев, И. А.* Некоторые проблемы изучения советских региональных политических элит 1960—1980-х гг. (на примере Алтайского края) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4—2. С. 7—11.
10. *Белоногов, Ю. Г.* Генезис советской региональной элиты как группы интересов во внутриэлитных политических конфликтах 1950-х — 1960-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2—1. С. 20—26.
11. *Вишневский, А. Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. 432 с.
12. *Волосов, Е. Н.* О некоторых особенностях взаимоотношений центральных и региональных элит при формировании экономической стратегии в 60—80-е гг. XX в. (на примере Иркутской области) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1 (3). С. 221—226.
13. *Воронин, Д. В.* Конкуренция административно-политической и технократической элиты в условиях кризиса и распада советской системы управления регионами (вторая половина 1980-х — начало 1990-х гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4—2. С. 57—60.
14. *Ермолин, М. А.* Советская элита и постсоветские элитные группы: проблема трансформации // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 1 (70). С. 92—96.

15. Колесник, Н. В. Советское прошлое в биографии региональной элиты // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему?: материалы VIII социологических чтений памяти В. Б. Голофаства. М. (?), 2015. С. 166—175.
16. Кордонский, С. Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. 2-е изд., стереотип. М.: ОГИ, 2006. 240 с.
17. Кулагин, О. И. «Эффект колеи» зависимости в лесной промышленности Карелии как фактор социально-экономического развития региона в конце XIX—XX вв. // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 145—152.
18. Кулагин, О. И. Моноотраслевая экономика как фактор трансформации социально-экономического потенциала российского региона во второй половине XX века (по материалам Республики Карелия) // Вестник Российской нации. 2015. № 4. С. 200—213.
19. Курбатова, М. В., Саблин, К. С. Субъекты развития в условиях территориально фрагментированной институциональной среды российской экономики // Terra ecomomicus (Пространство экономики) / Южный федеральный университет. 2010. Т. 8, v (?). 2. С. 57—70.
20. Левин, С. Н. Конструирование конституционных правил в транзитивной экономике России: взгляд из региона // Постсоветский институционализм — 2007: варианты институционального развития России: предпосылки, закономерности, перспективы. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. С. 65—86.
21. Некрасов, В. А., Хромов, Е. А. Партийные, региональные и ведомственные группы интересов в формировании политики освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции (1961—1965 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 2. С. 45—53.
22. Олейник, Т. В., Савин, А. Б. Особенности эволюции советской хозяйственной элиты в условиях «перестройки» 1985—1991 гг. // Преподаватель XXI века. 2009. № 3—2. С. 245—251.
23. Пихоя, Р. Г. О внутривластной борьбе в советском руководстве. 1945—1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 3—14.
24. Сергеев, С., Салагаев, А. Трансформация провинциальной советской номенклатуры Татарии в региональную правящую элиту Татарстана // Россия и мусульманский мир. 2011. № 6. С. 37—52.
25. Хромов, Е. А. Региональные элиты в СССР в конце 1950-х — середине 1960-х гг. К постановке вопроса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 183—186.
26. Шегельман, И. Р. Лесные трансформации (XV—XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.
27. Шегельман, И. Р. Лесозаготовки и лесное хозяйство: трансформации 1946—1960 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 204 с.
28. Шегельман, И. Р., Кулагин, О. И. Исследование исторического опыта трансформаций в области управления лесной промышленностью СССР в период перестройки (1985—1990 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2012. № 4. С. 91—105.
29. Шех, А. В. Проблемы взаимоотношений центральной и региональной власти в период перестройки в СССР 1985—1991 гг. // Ученые записки МГГУ. Исторические науки: сборник научных статей. Мурманск, 2015. С. 60—67.
30. Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960—1990 гг. Очерки истории / под ред. П. С. Кабытова. Самара, 2014. 240 с.

На иностранных языках

31. Friedmann, J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela: MIT Press, 1966. 279 p.
32. Krugman, P. R. Geography and Trade. Cambridge (MA): MIT Press, 1991. 142 p.

Timber industry complex as a mechanism of interaction between the center and the periphery from the second half of the 1940s to the 1960s (research based on Karelian materials)

Oleg I. Kulagin

Petrozavodsk State University,
Department of Russian History,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Associate Professor, PhD
olkulagin@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the changes in the process of interaction between the center and the periphery in the Republic of Karelia from the second half of the 1940s to the 1960s. The main mechanism of this interaction during the studied period was the timber processing system of Karelia, whose role and value changed dramatically over the years. At the beginning of the postwar period, timber industry was the main «trump card» used by the Karelian administrative and party elite for obtaining resources for the socio-economic development of the region, however, by the 1960s it became a weak link in the Karelian economy. Later, serious problems in the development of the timber industry contributed to the center's disinterest in investing additional capital into the development of the regional economy.

Keywords: timber processing system, center, periphery, Karelia, interaction mechanism